

ги компенсируются «паузным эквивалентом», а это означает, что трёхстопные стихи при произнесении требуют такой же длительности по времени, что и четырёхстопные). Нельзя не иметь в виду, что «само членение на стихотворные строки и та или иная внутренняя организация строк воплощают в себе неповторимое движение голоса поэта» (8, с. 161). В силу этого выразительное чтение фрагментов «Железной дороги» будет служить не только действенным средством познания идейно-художественного содержания произведения, но средством осознанного постижения структуры некрасовского стиха, в котором строка делится на отрезки из трёх слогов с ударением на первом слоге (дактиль).

Патетические строки полифонической по своей структуре II главы стихотворения сменяются резкими стихами III главы, насыщенными свистящими согласными «з» и «с» («свисток», «взвизгнул», «исчезла»). Исчезает «толпа мертвецов», созданная воображением рассказчика. Монологическая по своей структуре II глава сменяется новой главой, имеющей ярко выраженную драматургическую основу, что позволяет обратиться к воспроизведению III главы в чтении по ролям. Подготовленное чтение главы по ролям (от лица Вани, генерала, рассказчика) усилит «достоверность», подчеркнёт динамичность рассказа, лежащего в основе этой главы. Школьники обдумают «партитуру чувств», которые будут сопровождать рассказ и высказывание повествователя, слова Вани и монолог генерала. Прямых указаний, которые непосредственно определяли бы характер и манеру чтения от того или иного лица, в тексте главы немного («сказал», «возражать не давал»; важна и «ремарка» в стихе: «Захохотал генерал»). Но необходимо проникнуться и содержанием высказываний героев. Например, обратить внимание на то, что в монологе генерала, явно адресованном рассказчику, в одном ряду называются бессмертные творения искусства и содержится резко негативная характеристика народа. Наконец, нельзя пройти мимо интонации, значение которой особенно велико в лирических произведениях. Интонация — это «голос чувства», это средство эмоционального насыщения художественного текста. Школьники отметят «перепады» интонации в монологе генерала, когда на смену вопросительным предложениям приходят восклицательные, подвергающие сомнению созидательную роль народа, и внушающую уверенность в речи автора, и спокойную описательность в словах Вани.

Чтение по ролям третьей главы стихотворения убедит школьников, что главным её действующим лицом является генерал, который открыто противопоставляет свою точку зрения на народ позиции рассказчика. Строка, непосредственно предшествующая словам генерала («захохотал генерал»), теряет целую стопу и имеет лишь два ударения. По выражению Н.Н.Скатова, «нарушилось, споткнулось само течение стиха» (9, с. 113). Такой приём подготавливает читателя к восприятию речи генерала. В стихах, передающих слова генерала, уже нет дактилических рифм, которые, по меткому

замечанию Чуковского, «так часто связаны у Некрасова с высшим подъёмом лиризма» (2, с. 397). Речь генерала отличается напористостью («но генерал возражать не давал...»), грубостью, стремлением высказать свою точку зрения как единственно верную. В своём монологе он упоминает ряд классических культурных ценностей: Ватикан (государство-город в пределах Рима), Колизей (самый большой амфитеатр Рима и всего античного мира), собор Святого Стефана в Вене (памятник средневекового зодчества, строительство которого началось в 1114 году), термы (горячие бани, зачастую относившиеся к шедеврам архитектурного строительства), которые, и это ученики без труда понимают, не могли быть созданы без созидательного труда народа. В этот ряд произведений искусства генерал включает и скульптуру греческого бога Аполлона, мраморная копия которой украшала храм Зевса в Олимпии (Аполлон Бельведерский). Он ссылается при этом на стихотворение А.С.Пушкина «Поэт и толпа». Поверхностное, формальное понимание истинного значения пушкинской позиции приводит генерала к её искажению. Спора между рассказчиком и генералом в «Железной дороге» по сути дела нет, но позиции действующих лиц резко противопоставлены. Учащиеся сопоставят характеристику народа, данную повествователем и генералом, и ответят на вопрос, почему генерал не признаёт логики повествователя («Логика ваша немножко дика...»).

«Сон удивительный», о котором рассказывает Ваня, полон впечатлением от рассказа о строителях железной дороги. Вызванная ситуацией, его слова явно продиктованы нормами речи людей определённого круга. Мужики предстают во сне Вани как «русских племён и пород представители». Такая стилистика явно снижает ту оценку «масс народных», которая содержится в рассказе поэта. Строители дороги в характеристике повествователя выступают как «Божии ратники», «мирные дети труда», как «братья» того, к кому обращён рассказ. Передавая слова Вани, поэт выделяет слово «он» курсивом. Такой деталью, введённой в рассказ Вани, подчеркнута, что автор является полноправным действующим лицом произведения. И вместе с тем употребление местоимения «он» в отношении лица, непосредственно участвующего в разговоре, отнюдь не указывает на безразличие или недооценку собеседника, но говорит о некотором отступлении от общепринятого обычая, когда присутствующего человека в беседе не принято называть в третьем лице. Поэт, передавая слова Вани, ограничивается лишь косвенными оттенками в характеристике речи генеральского сына, которые понятны проницательному читателю, но которые не меняют отношения автора к герою стихотворения, его отношения к молодому поколению.

(Выделение курсивом местоимения «он» до сих пор остаётся загадкой. Скатов считает, что «он» «уже не только рассказчик, но кто-то или что-то трудноуловимое. Как и ряд других элементов некрасовского стиха, такое он, возможно, пришло из романтической поэзии и, видимо, непосредственно из стихов Жу-

ковского, где встречается часто...» (9, с. 108). Учитель-методист Н.Н.Полянских без особых оснований отождествляет некрасовское «он» с Богом, который «указал»: «Вот они — нашей дороги строители!» (10, с. 33). По мнению Чуковского, слова «Вот они — нашей дороги строители!» «говорит Некрасов своему юному спутнику, указывая на толпы крестьян» (2, с. 368). Так что он скорее всего повествователь, рассказчик, и рассказчик много знающий, который встаёт рядом со своими современниками Н.А.Добролюбовым, автором очерка «Опыт отлучения людей от пищи» (1860), и В.А.Слепцовым, автором очерка «Владимирка и Клязьма» (1861), посвятившими свои статьи железнодорожному строительству в России).

III глава стихотворения обрывается полустихием, завершающим монолог генерала. Внутрестиховая пауза (цезура) позволяет поэту перенести второе полустихие в начало новой главы — IV главы, которая открывается уже словами автора-рассказчика, моментально подхватывающего слова генерала. Вся заключительная глава стихотворения, как и его II глава, представляет собой рассказ автора-повествователя, который начинается со ставшего привычным обращения к Ване: «Слушай, мой милый...» Показывая «светлую сторону» жизни народа, рассказчик «нарисовал целую картину», которая расположилась между однокоренными, родственными словами «рад» (в самом начале главы) и «отрадней» (в конце главы). Школьники назовут героев этой части произведения: «рабочий народ», «праздник народ», «рабочие», «народ» и «десятники, подрядчик». Драматургическая основа, свойственная всему стихотворению, находит реализацию и в репликах действующих лиц — «рабочего народа» и подрядчика, и в динамичной, резкой смене картин, подчеркнутой строчными переносами: «...труды роковые / Кончены — немец уж рельсы кладёт, / Мёртвые в землю зарыты: больные / Скрыты в землянках; рабочий народ / Тесной гурьбой у конторы собрался...»

В разборе заключительной главы стихотворения внимание учеников необходимо привлечь к словосочетанию «труды роковые», в котором определение «роковые» (то есть гибельные, несущие горе, несчастья, страдания) приобретает значение ключевого понятия, важного не только для IV главы («мёртвые в землю зарыты...»), но и для всей II главы «Железной дороги», где показаны «мирные дети труда», на «косточках» которых выросли «насыпи узкие, / Столбики, рельсы, мосты».

Последняя глава «Железной дороги» даёт возможность обратиться к мастерству Некрасова в создании образов действующих лиц. Одним из средств их характеристики является речь. В главе, по замечанию Чуковского, «слышится простонародная речь, воспроизведённая с величайшим искусством» (2, с. 407). Всего в полутора стихах даны слова «рабочего народа» о «прогульных днях», ставших «в копейку». Растерянность рабочих находит полное отражение в лексике: слова «теперича», «лишку» несут основную смысловую нагрузку, а «поди» используется в значении частицы, выражающей изумление, удивление,